

Задания для муниципального этапа
Всероссийской олимпиады школьников
по литературе (2017 - 2018 учебный год)
10 класс

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста - прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа Н. Тэффи «Первое посещение редакции», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: композиционные особенности текста, включение культурно-значимых деталей, особенности выражения авторской позиции.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Н. Тэффи

Первое посещение редакции

Мои первые литературные шаги были ужасно жутки. Да я, собственно говоря, никогда быть писательницей и не собиралась, несмотря на то, что все в нашей семье с детства писали стихи. Занятие это считалось у нас почему-то ужасно постыдным, и чуть кто поймает брата или сестру с карандашом, тетрадкой и вдохновенным лицом - немедленно начинает кричать:

– Пишет! Пишет!

Пойманный оправдывается, а учителя издеваются над ним и скачут вокруг него на одной ножке:

– Пишет! Пишет!

Вне подозрений был только самый старший брат, существо, полное мрачной иронии. Но однажды, когда после летних каникул он уехал в лицей, в комнате его были найдены обрывки бумаг с какими-то поэтическими возгласами и несколько раз повторенной строчкой:

О Мирра, бледная луна!

Увы! И он писал стихи!

Открытие это произвело на нас сильное впечатление, и, как знать, может быть, старшая сестра моя Маша, став известной поэтессой, взяла себе псевдоним "Мирра Лохвицкая" именно благодаря этому впечатлению.

Я мечтала быть художницей. И даже по совету одной очень дельной пригостишки-одноклассницы написала это желание на ласточке бумаги, листочек сначала пожевала, а потом выбросила из окна вагона. Пригостишка говорила, что средство это "без осечки".

Когда старшая сестра, окончив институт, стала печатать свои стихотворения, я иногда, по дороге из гимназии, провожала ее в редакцию. Провожала не одна, а с нянюшкой, которая несла мою сумку с книгами.

И там, пока сестра сидела в кабинете редактора (что это был за журнал, не помню, но помню, что редактором его были П. Гнедич и Всеволод Соловьев), мы с нянюшкой ждали в приемной.

Я садилась от нянюшки подальше, чтобы никто не догадался, что она за мной присматривает, делала вдохновенное лицо и думала, что меня, наверное, и рассильный, и переписчица, и все просители принимают за писательницу. Вот только стулья в приемной были какие-то нескладно-высокие, и ноги у меня до полу не хватили. Но этот недостаток, как и короткое платье с гимназическим передником, вполне выкупался и покрывался с лихвою вдохновенным выражением лица.

В тринадцать лет у меня был уже литературный стаж: стихи на приезд государыни и стихи по случаю юбилея гимназии. В этих последних, написанных стилем пышной оды, была строфа, из-за которой много пришлось пострадать:

И пусть грядущим поколениям,
Как нам, сияет правды свет
Здесь, в этом храме просвещения,
Еще на много, много лет!

Этим "храмом просвещения" сестра донимала меня целый год. Притворюсь, что болит голова, не пойду в гимназию, и начинается:

– Надя, Надя! Что же ты не идешь в храм просвещения? Как же ты допускаешь, что там без тебя сияет правды свет?

И вот, когда мне было лет шестнадцать-семнадцать, написала я забавную "Песенку Маргариты", конечно, никому ее не показала и решила потихоньку отнести в "Осколки".

В "Осколках" редактором был Лейкин, тогда уже старый, хворый. Вскоре он и умер.

Пошла в редакцию. Очень было страшно. Страшнее всего на лестнице, когда я протянула руку к звонку. Дверь была маленькая и грязная. Пахло пирогом с капустой, которого я терпеть не могу. Позвонила и тут же подумала: "Бежать!"

Но за дверью что-то заскреблось. Сняли цепочку. В шелку посмотрели сначала один глаз, потом другой...и дверь открылась.

– Вам кого?

Пожилая, очень худая дама, в оренбургском платке крест-накрест.

– Я к... мне к... к Лек...

– Их еще нет, - сказала дама. - Войдите, присядьте, обождите. Они скоро будут.

Посадила меня в крошечную комнатку и ушла. Из крошечной комнатки видна была другая, тоже небольшая, край письменного стола и над ним какое-то птичье чучело.

Над столом висело птичье чучело,

На редактора смотрело, глаза пучило...

Ждала долго. Изредка входила худая дама и, поглаживая костлявыми руками свой платок на груди, шептала мне:

– Потерпите! Теперь уже недолго.

И вот раздался звонок. Топот, кашель, хрип. Я разобрала:

– Кто?

– Что?

– А?

– Зачем?

– К кому?

– Черт!

Потом хрип смолк, снова вошла худая дама и сказала испуганным шепотом:

– Они еще обмерзши. - И ушла. А я сидела и думала, какой ужас заниматься литературой...

Опять вошла худая дама и опять прошептала, видимо, жалея меня и желая ободрить:

– Они еще не оттаявши!

Добрая дама! Обнять бы ее и вместе поплакать... И снова ушла. Господи, Господи! Уйти бы мне, да и уйти не смею. Опять дама.

– Они отошедши.

Я как-то не сразу поняла, что значит "отошедши". Одно мгновение подумала, что это значит, будто Лейкин умер, и в ужасе вскочила.

– Да вы не бойтесь! - успокаивала меня дама. - Они сказали, чтобы вас впустить.

Я зажмурилась, я шагнула вперед. Действительно, ведь не убьет же он меня! В кресле перед птичьим чучелом сидел кривой, кривоплечий и, кажется, косоглазый человек с черной бородой. Очень мрачный.

– С чем пожаловали? - спросил он меня, глядя в сторону. - Что вам нужно?

– Стихи... - прошептала я.

- Какие стихи?
- Песенка Маргариты.
- Что-о? У нас, кажется, таких стихов отродясь не бывало. Объясните толковее.
- Я сочинила. Вот.

Он, не глядя на меня, протянул руку. Я ткнула в нее свой листок.

– Ну? - сказал он.

– Что? - спросила я.

– Ну и до свиданья. Ответ прочтете в почтовом ящике. Через месяц я прочла в почтовом ящике "Осколок": "Песенка Маргариты" никуда не годится".

Таков был мой первый литературный шаг. Впоследствии эту самую "Песенку Маргариты" я прямо для тайного торжества над сердитым редактором (хотя его уже не было на свете) напечатала в разных изданиях не меньше четырех раз.

Хотя... пожалуй... будь я сама редактором, я бы не напечатала ее ни разу.

1929 г.

Выполните целостный анализ стихотворения Н. Заболоцкого «Сентябрь», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности композиции, изобразительно-выразительных средств, своеобразие строфической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, заверченный текст.

Николай Заболоцкий

Сентябрь

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и, значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

1957 г.

Творческое задание

Прочитайте отрывок из рассказа В.В. Набокова «Посещение музея». Придумайте и опишите по этому образцу три зала музея литературных героев. В таком музее, например, могут быть залы: «Гостиная в доме Простаковых», «Штаб-изба Пугачёва», «Комната Печорина в Пятигорске» и т.д. В процессе творческой работы вы можете использовать три произведения из следующего списка: «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Гроза» А.Н. Островского, «Отцы и дети» И.С. Тургенева.

Мы очутились в зале несколько больших размеров. Там, на длинном столе под стеклом, раскрыты были толстые, плохо выпеченные книги с жёлтыми пятнами на грубых листах. Вдоль стен стояли военные куклы в ботфортах с раструбами. ... На минуту я заблудился среди громадных мраморных ног и дважды обежал кругом исполинского колена, покамест не увидел опять мосье Годара, который искал меня за белой пятой соседней великанши. Тут какой-то человек в котелке, видно на нее взобравшийся, вдруг с большой вышины упал на каменный пол. Его стал поднимать товарищ, но оба были навеселе, и, махнув на них рукой, мосье Годар полетел в следующую комнату, где сияли восточные ткани, гончие мчались по лазурным коврам, и на тигровой шкуре лежал лук с колчаном.

Но странное дело: от простора и пестроты было только тяжело, мутно, – и потому ли, что всё новые посетители проносились мимо, или потому, что мне хотелось поскорее выбраться из ненужно удлинившегося музея, чтобы в свободной тишине докончить с мосье Годаром деловой разговор, но меня охватила какая-то тревога. Между тем мы перенеслись ещё в одну залу, которая уж совсем была громадная, судя по тому, что в ней помещался целый скелет кита, подобный остову фрегата, а далее открывались ещё и ещё залы, косо лоснились полотна широких картин, полные грозовых облаков, среди которых плавали в синих и розовых ризах нежные идола религиозной живописи, и всё это разрешалось внезапным волнением туманных завес, и зажигались люстры, и в освещённых аквариумах рыбы виляли прозрачными шлейфами, а когда мы взбежали по лестнице, то сверху, из галереи, увидели внизу толпу седых людей и зонтиков, осматривающих громадную модель мироздания.